

Языковые нули

Вводные замечания

Весьма важным достижением в жизни любого человека является открытие нуля. Оно происходит в детском возрасте под влиянием школы и долго не осознается как величайшее открытие. Иногда человек до конца жизни так и не понимает сущности нулевой величины, что же касается отрицательных величин, то их сущность перманентно непознаваема для большинства из живущих на земле людей и имеет значение только в построениях математиков.

Подобно людям, также и различные науки приходят к осознанию нуля, открывают его для себя как величайшее явление, а затем начинают постигать его сущность, втягиваясь в своеобразную гонку по открытию нулей в своих основаниях.

Основная часть

Языкознание вступило в своеобразный «нулевой клуб» (образуем такой неологизм по образцу «ядерного клуба») в конце 19 века, когда великий российский ученый (поляк по национальности) Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, отец-основатель Казанской лингвистической школы, открыл и впервые в истории языкознания описал нулевую единицу в языке – это было нулевое окончание и нулевой суффикс (а до этого им было открыто понятие морфемы и фонемы). Приведем эти слова великого ученого, знаменующие это великое открытие в теории языка, из его книги «Введение в языковедение»: «Кроме морфем, состоящих из определенной произносительно-слуховой величины, мы должны принять непременно тоже морфемы «нулевые», т. е. лишенные всякого произносительно-слухового состава, и тем не менее ассоциируемые с известными семасиологическими и морфологическими представлениями.

Так, например, слова *дом, стол, воз, пруд, конь, край*,..., несмотря на их видимую одноморфемность, надо непременно считать двухморфемными, т. е. состоящими из основы определенной произносительно-слуховой величины и из окончания «нуль»:

dom-0, stol-0, voz-0, prud-0,

где 0 символизирует собой морфему «нуль» (Бодуэн, 1963, 282–283).

Эти идеи вошли в языковедческую теорию достаточно широко, во всяком случае, они вышли за пределы академической и вузовских грамматик и

вошли в состав школьной грамматики, которая также трактует о нулевом окончании. Так, в учебнике по русскому языку для 5-х классов издательства «Дрофа» (под ред. М. М. Разумовской и П. А. Леканта) просто и ясно даже для ребенка одиннадцати лет говорится: «Оказывается, в слове *город* тоже есть окончание, но оно не выражено звуком в устной речи и буквой в письменной речи. Такое окончание называют **нулевым**: город [].» (Русский язык, 2005, 37). Далее авторы показывают школьникам нулевое окончание в словах типа: *роц, плач, речь, говорил, час, приходил, туч, мышь* и под. (с. 38), и делают это убедительно и просто.

Дальнейшие исследования привели к открытию новых нулей в системе языка (очень интересны работы А. Д. Шмелева и Т. В. Бульгиной, а также И. А. Мельчука о синтаксических нулях). Так, был открыт нулевой суффикс (в словах типа *выход* – 0-[0]), имеется нулевой словообразующий суффикс и нулевое окончание. Был открыт и осознан нулевой глагол-связка со значением бытия в предложении типа *Мой брат – инженер*, где тире символизирует нулевой связочный глагол. В фонологии было предложено рассматривать паузу как нулевую фонему (М. В. Панов, Е. Ф. Киров)

Однако и в наши дни еще не все нули в языке открыты.

Предпримем попытку осознать в русском языке еще несколько единиц, которые могут быть признаны нулевыми – и речь пойдет о синтаксических единицах. Весьма важной работой, в которой предпринято описание «синтаксического отсутствия», является статья Ю. Д. Апресяна (Апресян, 1984). Однако остается еще не осознанным с точки зрения самых разных аспектов такой феномен, как бессоюзное предложение.

Поразительно, но самые явные нулевые единицы в синтаксисе русского языка не осознаны и не описаны как нулевые единицы. Речь пойдет о нулевых союзах и союзных словах, которые мы склонны обнаруживать в бессоюзных сложных предложениях.

Бессоюзные сложные предложения описаны весьма подробно в русской грамматике (см.: Ширяев, 1986; Белошапкова, 1967 и др.), однако целесообразно рассмотреть их и с другой точки зрения.

Вполне очевидно, что бессоюзные сложные предложения не столь уж и «бессоюзны»: в наши дни можно и следует осознать, что речь должна идти о нулевых сочинительных союзах и нулевых подчинительных союзах и союзных словах, которые превратят бессоюзные сложные предложения в сложносочиненные и сложноподчиненные с соответствующими нулевыми союзами или союзными словами.

Итак, обратимся к последней версии академической грамматики, которая была «переписана» как учебная версия для студентов и которая является

последней из академических грамматик русского языка – это «Краткая русская грамматика» (под ред. Н. Ю. Шведвой и В. В. Лопатина, 2002, – далее КРГ). Как же трактуются предложения типа *Окажись рядом настоящим другом, беды бы не случилось?*

Так, если ранее в академических грамматиках говорилось просто о бессоюзных предложениях (эта типология переключалась и в школьные грамматик), то в последней краткой версии говорится о «Бессоюзных соединениях предложений» (КРГ, 2002, 692). Непонятно, чем отличается традиционное бессоюзное сложное предложение от сложного предложения с бессоюзным соединением. Как же комментируется это явление синтаксиса русского языка?

В «Краткой русской грамматике» сказано так: «Бессоюзные соединения (сочетания) предложений – это целостные синтаксические образования, в большей или меньшей степени соотносительные со сложными предложениями, но отличающиеся от них отсутствием союзной или местоименной связи между частями. Объединение предложений в бессоюзное сочетание осуществляется посредством интонации; предложения, входящие в бессоюзное сочетание, характеризуются смысловой взаимосвязанностью, которая выявляется разнообразными совместно действующими лексическими и морфолого-синтаксическими средствами» (КРГ, 2002, 692).

Далее говорится о сходстве и различии сложных союзных и бессоюзных предложений: «Смысловые отношения, устанавливающиеся в бессоюзных сочетаниях предложений, в общих чертах близки отношениям, выражающимся в сложном предложении способом сочинительной или подчинительной связи, однако полного совпадения здесь нет. Различия состоят в следующем.

1. Значения бессоюзных соединений менее дифференцированы. Без опоры на контекст здесь могут быть выделены только самые общие типы отношений, которые в сложном предложении дифференцируются несколькими, порой далекими друг от друга союзами...

2. Возможности выражения некоторых отношений средствами бессоюзия ограничены. Таковы прежде всего разделительное и сравнительное значения, а также значения целевое и уступительное, которое выражаются в основном в сложном предложении с помощью союзов и в простом предложении – средствами словосочетательной связи» (КРГ, 2002, 693–694).

Теперь рассмотрим так называемые бессоюзные предложения, а также предложения с бессоюзным соединением, описываемые в «Краткой русской грамматике» и во всех остальных разновидностях грамматик русского

языка, с позиций присутствия в таких предложениях нулевого союза или нулевого союзного слова. Итак, начнем с общепризнанного представления о нулевой языковой единице – что же это такое в современной теории языка?

Понятие **нулевой** языковой единицы в теории языка связано с двумя вещами, которые отчетливо сформулировал родоначальник «нулизма» в теории языка – И. А. Бодуэн де Куртэнэ. Речь идет о значимом отсутствии материально выраженной формы языкового нулевого знака, но присутствии языкового значения того или иного типа (словоизменительного, словообразовательного, синтаксического). Важным добавлением к классическим представлениям о нулевой языковой единице стало уточнение, что отсутствие материальной формы значимо на фоне присутствия других материально выраженных форм других языковых знаков. Так, нулевое окончание в слове *стол-0* осознается только на фоне присутствия окончаний в словах типа *окн-о* или *стен-а*. О. С. Ахманова так суммирует эти представления: «**НУЛЕВОЙ** (отрицательный)...Выполняющий определенную лингвистическую (семиологическую) функцию без специальной (звуковой) выражения, а лишь через противопоставление выраженным (положительным) элементам того же ряда или парадигмы» (Ахманова, 1966, 272).

Итак, посмотрим, насколько удовлетворяет понятию нулевого союза элемент в сложном предложении, который имеет значение, но не имеет присутствующей в материальном виде формы, т. е. имеет нулевую форму. Рассмотрим предложение: *Был бы рядом настоящий друг, беды бы не случилось.*

Вполне очевидно, что грамматическое значение, равное значению союза, в данном случае явно присутствует – это грамматическое значение условности. Практически, в перифразе это предложение может быть преобразовано в обычное союзное, и вполне понятно, что это будет предложение: *Если был бы рядом настоящий друг, то беды бы не случилось..*

Материальной формы выражения данная не выраженная материально синтаксическая скрепа не имеет, что дает основание относить ее к нулевым, поскольку она обладает значением, но не обладает материальной формой.

Дополнительным фактором осознания того, что здесь присутствует **нулевая** единица, является значимое отсутствие материально выраженного союза, которое на фоне других союзов становится значимым, приобретает отчетливо осознаваемое значение. Вывод может быть только один: данное предложение логически относится к союзным предложениям с нулевым условным подчинительным союзом. Другими словами – это сложноподчиненное условное предложение с нулевым условным подчинительным союзом.

Совершенно в подобное отношение могут быть поставлены и предложения с побудительным наклонением глагола, которые в обусловленной части имеют личное и обобщенно-личное значение. Речь идет о предложениях типа: *Ах, Надежда, говори ты меньше, – может быть, умнее покажешься людям* (Горький), или идиома *Ешь горькое – доберешься до сладкого* и т. д. Совершенно очевидно, что в данном случае в обоих случаях имеется явно выраженное условное значение при отсутствии материально выраженного союза, который тем не менее осознается как присутствующий в **нулевой** форме на фоне других союзов, имеющих материализованное выражение. Кроме того, данные предложения с нулевой скрепой могут быть преобразованы в союзные предложения, в которых союз будет выражен. При этом ничего не изменится с точки зрения значения данного предложения.

На этом основании более логичным было бы отнесение таких предложений к сложноподчиненным предложениям с **нулевым причинным союзом**.

Однако имеется одна особенность, которая может объяснить причину возникновения сложных предложений с **нулевыми союзами**. Если учесть, что кроме принципа экономии, в языке действуют и другие причины, то причиной возникновения сложных предложений с нулевыми союзами окажется их уникальная способность совмещать значения нескольких союзов в одно значение. Так, например, в предложении *Гони природу в дверь, она залезет в окно* имеется нулевой подчинительный союз, совмещающий семантику сразу нескольких подчинительных союзов. В нем «сливаются» значения союзов: 1) условного *если...*, *то*, 2) временного *когда...*, *тогда*, уступительного *хотя*. В результате появляется уникальная совмещенная семантика нулевого союза-контамината: **Когда/если/хотя гнать природу в дверь, (то) она залезет в окно**. Безусловно, что совмещение семантик отдельных союзов в некий универсум необходимо для выражения специфических мыслей, имеющих оттенки значения в слитном виде. Сделать это посредством материально выраженных союзов невозможно, поскольку они хранят верность предписанным грамматическим значениям. Максимум, на что способны материально выраженные союзы – это полисемия, граничащая с омонимией, когда некоторые союзы выступают в неизосемическом значении, например, изосемически временной союз *когда* имеет неизосемическое значение условия (*Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет*) или изосемически изъяснительный союз *что* имеет значение определительности (*Дом, что построил Джек*) и т. д. В случае нулевого союза возможна именно совмещенная семантика, семантика в слитом виде, в результате чего возникает синтаксический союз-контаминат с нулевой формой выражения.

Рассмотрим сложноподчиненные предложения с **нулевыми союзами** нулевого значения с индикативными формами будущего времени глагола. К числу таких предложений можно отнести предложения типа *Буду жив, вечно буду помнить этот вечер* (Бунин). Вполне очевидно, что в качестве нулевого союза здесь выступает причинный союз, однако некий довесок временной семантики в этом предложении можно обнаружить. В результате получается, что нулевой подчинительный союз-контaminaнт имеет семантику **Когда/если буду жив, то вечно буду помнить**. Такое положение дел предоставляет нулевым контaминированным союзам огромное преимущество выражения неединственности грамматического значения, что в реальном функционировании языка становится необходимым и обогащает возможности грамматического оформления реальных высказываний на русском языке (как, впрочем, и на английском, французском, испанском, литовском и т. д.).

В результате возникает предположение, что любой или почти любой нулевой союз имеет контaминированную семантику. Другими словами, нулевой союз нужен не просто для экономии языковых средств выражения, но прежде всего для образования контaминированных подчинительных синтаксических скреповых единиц, которые, соединяя части сложного предложения, передают неоднозначную грамматическую семантику. Так, например, если рассмотреть предложение *Солнце зашло в тучу – быть дождю* (Г. Троепольский), становится совершенно очевидно, что семантика нулевого союза не может свестись к одному отчетливому грамматическому значению и совмещает в себе как минимум три синтаксические семантики: временную, условную и причинную в слитом виде: **Когда/если/потому что солнце зашло в тучу, (то) быть дождю**. В таком случае это предложение может быть охарактеризовано как сложноподчиненное с нулевым условно-причинно-временным союзом.

К подобным предложениям следует отнести и такие: *Гром не грянет – мужик не перекрестится* = **Когда/если/что гром не грянет, (потому) мужик не перекрестится** и под.

Таких предложений очень много в русских звучащих и написанных дискурсах, но еще больше в текстах на американском варианте английского языка. Думается, что нет языка, в котором мы бы не встретили **нулевую синтаксическую скрепу**, т. е. **нулевой союз или союзное слово**. В этом смысле можно предполагать, что нулевой подчинительный союз или союзное слово является языковой статистической (неполной, т. е. не абсолютной) универсалией.

Весьма очевидна изъяснительная семантика нулевого подчинительного союза в предложениях типа: *Стало ясно: она не придет*. В перифразе такие конструкции легко преобразуются в сложноподчиненные

предложения с придаточными изъяснительными. Однако в версии с нулевым союзом можно обнаружить дополнительную оценочную семантику (*она не придет, и это плохо*)

Не менее ярки по своей семантике сложноподчиненные предложения с **нулевым союзом** цели, которые можно увидеть «внутренним взором» в предложениях типа *Плохо не клади, вора в грех не вводи* (посл.). При доминировании грамматической семантики цели в таких нулевых союзах можно усмотреть дополнительную семантику причинности (**Плохо не клади, потому что это вора может в грех ввести*).

В предложениях с пояснительным значением в качестве доминирующего (*Щеголь Ивашка: что ни год, то рубашка*) в нулевом союзе можно обнаружить «довесок» в виде причинного значения: *потому щеголь, что каждый год рубашка*.

Сложноподчиненные предложения с нулевым союзом следствия обладают также дополнительными оттенками грамматического значения. Так, например, в предложении *Вы требовали – я должна была уступить вам* (А. Островский) явно ощутимы причинные «семантические нотки» в грамматическом значении нулевого союза с доминирующей семантикой следствия. Подобную контаминированную семантику можно обнаружить и в грибоедовской фразе *Мы в трауре, так балу дать нельзя*.

Сложноподчиненные предложения с нулевым союзным словом с доминирующей определительной семантикой также не однозначны. В предложении *Были в конторе старые висячие стенные часы; давно уже не шли* (Л. Толстой) при доминировании определительной семантики в нулевом союзном слове можно обнаружить и побочные грамматические смыслы: *но + хотя + которые давно не шли*.

В сложноподчиненных предложениях с **нулевым сравнительным союзом** также наблюдается контаминация грамматической семантики. Так, в предложении *Слеза за слезой упадет На быстрые руки твои. Так колос беззвучно роняет Созревшие зерна свои* (Некрасов) у нулевого союза доминирует грамматическая семантика сравнения, однако в нем присутствуют также семантические «довески» изъяснительности, т. е. имплицитно присутствует конструкция: *я вижу, что колос беззвучно роняет...*

Теперь обратимся к сложносочиненным предложениям с нулевыми сочинительными союзами. В числе наиболее типичных находятся предложения с перечислительной интонацией (предложения типа *Подул ветер, пошел снег, сделалась мятель* (А. С. Пушкин)). В таких сложносочиненных по грамматической семантике предложениях присутствует нулевой соединительный союз **и**. Можно предположить, что в данном случае мы встречаемся с чистой экономией средств языкового

выражения. Возможно, это действительно так, поскольку соединительный союз **и** сверхчастотен и очень прост по своей семантике, – настолько прост, что может приобретать нулевую форму, но не может быть устранен из семантико-синтаксической структуры сложносочиненного предложения. В таком случае указанное предложение приобретет вид: *Подул ветер (и=0) пошел снег (и=0) сделалась метель.*

Более сложны по семантической компонентной структуре сложносочиненные предложения с **нулевым разделительным союзом**. К числу таких предложений относятся конструкции типа *Вдвоем неразрывно – навеки – вдвоем! Воскреснем? Погибнем? Умрем?* (А. Блок). Заметно, что последние три слова могут быть восприняты как парцелированная конструкция сложносочиненного типа с разделительной связью компонентов: **Или воскреснем, или погибнем, или умрем.* Трудно сказать, имеются ли доведски грамматической семантики к данным разделительным значениям, например, можно ли прочесть это предложение в виде **То/или воскреснем, то/или погибнем, то/или умрем.* Такое прочтение в принципе возможно. Можно даже усугубить наращение грамматической семантики, усмотрев в данном случае вариант прочтения *То/или/и воскреснем, то/или/и погибнем, то/или /и умрем.* Если последнее прочтение действительно, то мы встречаемся с типичной для нулевого союза контаминированной грамматической семантикой.

Очень отчетливо и ярко проявляют свою семантику сочинительные **нулевые союзы** с противительным грамматическим значением. Такие предложения очень частотны в разговорной речи, в идиомах и художественной речи: *Не хвались серебром – хвались добром* (посл).

В нетривиальных случаях сложносочиненных предложений с нулевым союзом подобного типа можно обнаружить контаминированную семантику с противительной доминантой и неким доведском семантики разнообразного типа. Так, в предложении *Не ноги меня несли, не лодка меня везла; меня поднимали какие-то широкие, сильные крылья* (Тургенев). Понятно, что в данном случае нулевой сочинительный союз имеет доминирующее противительное грамматическое значение, однако ощутим также некий доведсок грамматического градационного значения: *не только ноги меня несли, но и ноги меня несли...*

Вполне очевидна присоединительная семантика **нулевого сочинительного союза** в предложении типа *Мы пошли в кино, Саша с нами.*

Таким образом, в русской грамматике можно обойтись без представления о бессоюзном сложном предложении, поскольку все бессоюзные сложные предложения в более логичном представлении оказываются соответствующими сложносочиненными или сложноподчиненными

предложениями с нулевыми союзами, в которых доминирует та или иная семантика, но она нередко сопровождается дополнительным грамматическим значением. В этом и состоит значительное функциональное преимущество сложных предложений с нулевым союзом или союзным словом.

Теперь предпримем попытку обнаружить еще не открытые **нулевые единицы в морфологическом строе** русского языка, где можно предположить существование очень специфичных нулевых единиц среди формообразовательных морфем.

Итак, в русской грамматике описаны очень специфичные глаголы, которые называются двувидовыми – это глаголы типа *телефонировать (что делать?) телефонировать (что сделать?)*, *родить и родить*, *казнить и казнить*, *женить и женить*, *велеть и велеть*, *ранить и ранить*, *использовать и использовать*, *исследовать и исследовать*, *телеграфировать и телеграфировать*, *парировать и парировать* и т. д. В «Краткой русской грамматике» о них сказано: «В контексте они могут выражать либо одно из видовых значений, либо вообще не выражать видового значения; например, сов. вид: *На последней минуте сильный удар Иванова парировал вратарь*; несов. вид: *В течение первого периода ему неоднократно приходилось парировать опасные броски*; вид не выражен: *Дальние удары нападающих вратарь уверенно парировал*» (КРГ, 2002, 304.). (На наш взгляд, в последнем случае отчетливо выражена грамматическая семантика несовершенного вида, поскольку речь идет о постоянном или многократном действии вратаря.)

Однако на эти и подобные примеры можно посмотреть по-иному. Логически последовательным является введение **нулевой формообразовательной приставки** (отвлечемся в данном случае от проблемы формообразовательного или словообразовательного статуса глагольной приставки), которая передает грамматическую семантику совершенного вида, т. е. маркирует совершенный вид и тем самым отличает глагол несовершенного вида *родить* от глагола совершенного вида *0+родить*, при этом последний глагол имеет логически введенную нулевую приставку. Это соответствует общей типологии грамматических значений и морфем в русском языке, поскольку в русском языке во всех без исключения случаях прибавление к глаголу приставки переводит его в совершенный вид (*читать – прочитать*, *говорить – переговорить*, *сидеть – посидеть* и т. д.).

В такой системе описания русские глаголы будут иметь приставки материально выраженные (*по-ранить*, *по-родить* и т. д.) и нулевые в небольшом количестве глаголов совершенного вида, при этом глагол с

нулевой приставкой будет иметь сов. вид, а без приставки – несов. вид: *ранил – 0+ранил, велел – 0+велел, телефонировал – 0+телефонировал* и т. д. Важно, что те и другие глаголы при таком рассмотрении приобретают разную основу, т. е. не совпадают с точки зрения морфемного строения: глаголы совершенного вида на одну морфему, т. е. нулевую приставку «больше», чем «омонимичные» им глаголы несовершенного вида (здесь возникает вопрос об омонимичности слов, отличающихся нулевой морфемой, но он должен быть рассмотрен особо).

Такое решение представляется наиболее логичным и делает лингвистику (в данном случае русистику) более научной, поскольку своеобразной лакмусовой бумажкой в такой ситуации оказывается количество открытых в науке нулей.

Выводы

Проведенный анализ русских двувидовых глаголов позволяет утверждать, что в глаголах такого типа имеется нулевая приставка, которая маркирует глагол совершенного вида и тем самым отличает его от глагола несовершенного вида, не имеющего приставки.

Подобная логика рассмотрения бессоюзных предложений в русском языке позволяет утверждать, что в предложениях без союзов на самом деле имеется нулевой союз или союзное слово. Развитие нулевых союзов было обусловлено необходимостью слияния нескольких видов грамматической (синтаксической) семантики в одной синтаксической скрепе. Материально выраженный союз или союзное слово лишено такой возможности, поэтому стали развиваться и расширяться нулевые союзы и союзные слова. Кроме этого, причиной их появления и расширения может быть принцип экономии языковых усилий.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, Ю. Д. 1984 Типы синтаксического отсутствия в русском языке // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры С. 11–113.– Красноярск.
- Ахманова, О. С. 1966. *Словарь лингвистических терминов*. – Москва.
- Белошапкова, В. А. 1967. *Сложное предложение в современном русском языке*. – Москва.
- Бодуэн де Куртене, И. А., 1963. – *Введение в языковедение // Избранные труды по общему языкознанию*. Т. 2. С. 246–293. – Москва.
- Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д. 1990. *Синтаксические нули и их референциальные свойства // Теория функциональной грамматики Темпоральность. Модальность*. – Ленинград.

- Киров, Е. Ф. 1989. *Фонология языка*. – Ульяновск.
- Краткая русская грамматика* (под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина). 2002. – Москва.
- Мельчук, И. А. 1979. *О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций, диатезы и залогов*. – Ленинград.
- Панов, М. В. 1967. *Русская фонетика*. – Москва.
- Русский язык. Учебник для общеобразовательных учреждений* (под ред. М. М. Разумовской и П. А. Леканта). 2005. – Москва: Дрофа.
- Ширяев, Е. Н. 1986. *Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке*. – Москва.

Linguistic Zeros

Discovery of zero units transforms any science into more developed one. I. A. Boduen de Courtenay discovered zero units in linguistics in the 19th century. These are zero suffixes and flections.

The article argues in favor of two more classes of zero units in Russian. These are a zero prefix in verbs, which is traditionally referred to as two-specific, and zero conjunctions in sentences, which traditionally are referred to as asyndetic.

Key words: *language zeros, zero morpheme, zero prefix, zero conjunction.*